

Сказочки

Ходил по деревне Ванька-Лопух; один лапоть на ноге, а другой в руке.

Остановится супротив окна, три раза поклонится и говорит:

— Прощайте, люди добрые, не поминайте лихом!..

— Куда же ты, Ванька, собрался-то?

— К Латефе-Мемефе, за море!..

Усмехнутся, покачают головой: что с дурака взять? Мелет, а что — сам не знает.

На лбу у Ваньки шишка, нос подковыркой, а торчковатые уши — аршином мерь. За уши-то Лопухом и прозвали.

Ударили раз Ваньку на гумне по голове цепом, с той поры он и зашелся...

Был на деревне праздник — парни с девками хоровод водили, а старики на завалинках про турку ребятам рассказывали.

Приставал Ванька к тому да к другому, надоел всем.

Затащили Ваньку в хоровод, поставили посередке и пошли вокруг него, заголосили.

Постоял Ванька, поглядел, да в ноги:

— Прощайте, люди добрые, не поминайте лихом!

Положил лапоть на землю и сел на него.

Глядят все — глазам не верят: нет лаптя, а вместо его — корабль. Паруса надуты, руль по ветру.

Поднялся корабль и поплыл в небо, словно лебедь белый.

Глядят все вверх — у парней шапки попадали, у девок платки на затылок слезли.

— Эко диво... — Стоит Ванька-Лопух на носу корабля и шапкой машет.

— Ванька, куда ты? — крикнул кто-то.

— К Латефе-Мемефе, за море!

Бросили водить хоровод, разошлись все — и до поздней ночи только и разговоров было, что о Ваньке.

Когда на деревне все уже спали, Ванька на том берегу моря спускался к золотому дворцу. Выходит навстречу ему Латефа-Мемефа. На голове у Латефы корона огневая, вокруг нее змеи черные обвиты. Красоты Латефа неописанной...

Стал корабль у дворца, у самого крыльца.

Вышел из него Ванька-Лопух, шапку в руках держит и ухмыляется.

— В какой руке счастье? — спрашивает Латефа-Мемефа, — угадай!

— В правой, — говорит Ванька.

Известно, дурак — сразу отгадал.

Раскрыла Латефа правую руку, а в ней — кольцо.

Обрадовался Ванька.

Взял кольцо, любитесь.

— Что хочешь, то и будет по твоему слову, — говорит Латефа.

А чего Ванька хочет? — Ничего ему не нужно.

Молчит Ванька.

— Что ж, чего твоя душа хочет?

Опять молчит Ванька, ухмыляется.

Погладила Латефа Ваньку по голове, поцеловала в очи и молвила:

— Лети назад!

Поднялся корабль, и глазом Ванька не моргнул.

Идет он опять по деревне — один лапоть в руке, а другой на ноге, а на среднем пальце левой руки кольцо блестит.

Летела ворона. Увидела кольцо и просит:

— Кар-кар. Дай!

Ухмыляется Ванька.

Сняла ворона клювом с пальца кольцо и была такова.

— Кар-кар. Спасибо! — кричит.

А Ваньке хоть бы что, идет — под ноги не смотрит, во весь рот ухмыляется.

Выглядывают из окон мужики: Ванька.

— Где был? — спрашивают.

— У Латефы-Мемефы.

— Что видал?

— Ее самую.

— Ну и дурак!

А того не знают, что счастье у него в руках было.

С тех пор и повелось: дуракам счастье.

Это от вороны узнали, не донесла кольца до гнезда, потеряла и всем про то разболтала.

В дупле древней липы жила сова. Днем слепая сидела, а ночью летала за тридевять земель в Турецкое царство к чернокнижнику — премудрости учиться.

Поседела она в ученьи, а всего только узнала, что в первой книжке написано.

Книг же было тринадцать сороков.

Затосковала сова — скоро время помирать, а она ничего еще порядком не знает.

— Так и так, — говорит чернокнижнику, — как бы мне все науки сразу произойти. Коли ты чернокнижник, так должен ты и это знать.

Потер себе плешь чернокнижник и говорит:

— Трудно это, я сам всего до тридцать третьей книги учен.

— Ладно, что трудно, а все ж таки можно.

— Можно-то можно.

— Можно — так сказывай.

— Дай правый глаз выкусить — скажу.

Подумала сова — неспособна она без глаза-то. Ну, да что делать?

— Выкусывай, — говорит.

Вынул чернокнижник из смрадного рта четыре передних зуба — два верхних и два нижних. Вставил вместо их рыбы — тонкие да длинные. Нацелился на совиный глаз.

Не успела сова моргнуть — глядь, уж и выкусил.

— Ахти, батюшки, — завопила сова. — Глазок мой, глазок!..

— Ладно, старая. За то все, что надо, сейчас узнаешь.

Плеснул он сове, чтобы кровь не шла.

Мигом рана зажила. В кровавую глазницу из красной склянки живой воды влил, взял со стола одиннадцатую книгу, развернул ее на поставце и говорит:

— Слушай...

Носом почмыхал, переносье пальцем потер и стал читать:

— А кто хочет сразу все науки произойти, тот пусть сойдет в ад и у его святейшества Асмодея снимет с левой руки перстень. В том перстне скрыта капля — слеза Асмодеева, которую пролил он в час нисхождения с неба в преисподнюю. Оную каплю проглотивший, сразу все тайны небесные и земные уразумеет.

— Слышала? — сказал чернокнижник и закрыл книгу.

Задумалась сова:

— Как достать перстень? Асмодея перехитрить?

Думала, думала, поднялась и полетела к себе в дупло.

Решила, что дома додумает.

Рыл крот ходы подземные. Около липы, в которой сова думала — земляных кучек понасыпано!

— А скажи, крот, — спрашивает его сова, — живешь ты под землей, — хитрые ходы роешь, — не знаешь ли, как в ад попасть?

— Знаю, — говорит крот.

— Как?!

— Согреши как поболе и попадешь.

— Так-то я и без тебя знаю. Как иначе?

— Иначе? Не знаю, как иначе. — И принялся за свое дело — повел ход вокруг липы.

Кого ни спрашивала сова, никто не знает, где в ад дорога. К чернокнижнику летала, добивалась, а он только усмехается.

— Что обещался, то сказал. Чего пристаешь?

— Выкуси левый глаз, только скажи!

— Зачем мне левый? левый глаз грешный.

Так и не узнала сова, как в ад ей попасть, и с тех пор каждую ночь в ад влетает. Порхает по земле крылом, под каждый куст заглядывает...

Ходил козел у реки, глядел в воду, бородой мотал.

Вышла из воды водяница. Села на отмели, на мелкий желтый песочек, и говорит козлу:

— Что ходишь? Давай бороду расчешу.

Сидит голая, чешет длинные волосы гребнем из рыбьей кости.

— Мне до тебя не допрыгнуть.

— А ты попробуй, — смеется водяница.

— А как утону?

— Не утонешь — мелко — за рога вытащу.

Подумал козел, подумал — охота ему с расчесанной бородой походить...

Разбежался — хотел перемахнуть на отмель — не вышло дело.

Отбежал от реки еще дальше и пустился изо всей мочи.

Не попал на отмель.

Бултыхнулся в воду..

— Тону!.. Хватай за рога!.. Тащи!.. Ох, тону!..

А водяница схватилась за бока, помирает со смеху.

— Тони. Мне-то что.

Мелькнули козлиные рога раз, другой, и ушел козел под воду.

Нырнула с отмели водяница. Подплыла к козлу.

Лежит козел. Раздуло его. Ноги вытянуты.

Запустила водяница руки в козлиную шерсть, ногами в спину ему уперлась, назад откинулась. Тянется — от сладости, да глаза зажмурила. Вдруг пополз козел по дну.

Глядит водяница — зацепил его за шею железный багор и тащит.

Она козла к себе, а багор — к себе.

Слышит на берегу человеческие голоса...

— Здесь — тyani!..

Видит водяница — не хватит у нее силы.

Хотела козла от багра отцепить и отцепила было, да вдруг сама волосами и запуталась. Потянуло ее наверх — разводит она руки, головой мотает. Хоть бы ты что — тянет багор.

Блеснул в глаза ей белый свет — застонала она протяжным голосом.

Зашумели на берегу.

Бежит из деревни народ, — а с лугов косцы.

— Русалку поймали. Русалку...

Разметалась водяница на берегу, притворилась мертвой.

Мальчишки ее за руки тянут. Мужики махорочный дым в рот пускают.

А она не шелохнется.

— Мертвая...

— Какая красавица! Не гляди, что поганая...

— Тоже тварь...

Стоят — не знают, что с ней делать.

— Это она козла уволокла!

— Вестимо, она. Сам он, что ль, в воду полезет.

А водяница лежит, думает: может, уйдут...

— Сжечь ее!..

— Неси, ребята, хворосту!..

Приоткрыла правый глаз водяница, видит, до реки всего шага три.

Улучила время, когда никто напротив не стоял, — метнулась по-рыбьему и была такова.

— Ах, паскуда! Уплыла!..

А водяница от того места, где лежал козел, поплыла что было силы в самую глубь реки, в темный омут, что за поповой мельницей.